

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

XXVII (*).

Ускореніе осажденныхъ работъ подъ Варною. — Несчастное дѣло за Камчиномъ. — Дѣйствія противъ Омера-Вроне. — Сраженіе при Куртень. — Современное положеніе дѣлъ подъ Шумлою и подъ Силистріей. — Штурмъ Варны. — Иностранные дипломаты и разговоръ съ ними императора.

Императоръ Николай намѣревался оставить дѣйствующую армію и возвратиться въ Петербургъ тотчасъ послѣ паденія Варны, которое могло имѣть слѣдствіемъ окончаніе войны, или, во всякомъ случаѣ, должно было блистательно заключить кампанію. Императоръ зналъ, что осада Шумлы и осада Силистріи были очень далеки отъ счастливой развязки, что войска, расположенныя подъ этими двумя крѣпостями, нуждались въ значительныхъ подкрѣпленіяхъ и что для продолженія дѣйствій за Балканами надлежало довести численность арміи до 250,000 человекъ.

По всѣмъ такимъ причинамъ надобно было безотлагательно готовиться къ новой кампаніи, которая долженствовала быть рѣшительною, если бы Турція, поощряемая подъ рукою Австріей и западными державами, отказалась отъ всякой примирительной сдѣлки.

Была еще весьма настоятельная причина, призывавшая государя въ Петербургъ: конфиденціальныя письма, получаемыя имъ отъ лейбъ-медика императрицы-матери, заключали въ себѣ неутѣшительныя извѣстія о ея здоровьѣ. Кромѣ постепеннаго ослабленія силъ и расстройства всего организма, императрица Марія Ѳеодоровна страдала ипохондріей, хотя въ перепискѣ съ сыномъ никогда не упоминала о своей болѣзни. Напротивъ, она убѣждала его самого беречь свое здоровье и просила возвратиться въ столицу лишь только этому не будутъ препят-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12, и 1868 г., №№ 1, 3—10.

ствовать его долгъ и достоинство, какъ государя, и пользы государства. Въ то же время императрица-матерь звала въ Петербургъ императрицу Александру Ѳеодоровну, надѣясь, что вмѣстѣ съ нею поспѣшить пріѣхать и императоръ.

Дѣйствительно, императоръ просилъ свою августѣйшую супругу не дожидаться, когда въ Одессѣ наступитъ пора вѣтровъ и дождей осенняго равноденствія, но отправиться въ путь, обѣщая пріѣхать въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней послѣ нея. „До исхода мѣсяца (сентября)“ — писалъ государь — „Варна будетъ взята и кампанія кончена“.

Утромъ 9-го сентября, императрица, выѣзжая изъ Одессы, сказала княгинѣ Волконской: — „Охотно дала бы я сто тысячъ тому, кто сію минуту порадовалъ бы меня взятіемъ Варны“.

Но нечего было надѣяться на капитуляцію Варны: комендантъ ея, Ицетъ-Мегметъ-паша, получилъ извѣстіе, что къ нему прійдетъ сильная помощь изъ лагерей адрианопольскаго и шумлинскаго.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались съ усугубленною дѣятельностію одновременно и на сѣверѣ и на югѣ крѣпости; бомбы и ядра производили въ ней большія матеріальныя поврежденія, но не колебали духа осажденныхъ: гарнизонъ и вооруженные жители держались крѣпко, надѣясь на выручку, хотя сапа спустилась уже въ ровъ и широкая брешь была пробита въ бастіонѣ сѣверной стороны. Наружная башня, опиравшаяся на приморскія укрѣпленія, находилась уже во власти русскихъ.

Въ главной императорской квартирѣ было получено свѣдѣніе о выходѣ изъ адрианопольскаго лагеря отряда турецкой кавалеріи, силою въ пять или шесть тысячъ, подъ начальствомъ Алишъ-паши, съ цѣлію произвести диверсію къ югу отъ Варны и затѣмъ соединиться съ отрядомъ Омера-Вріоне, который выступилъ изъ Шумлы уже болѣе десяти дней, но былъ слѣдимъ по пятамъ и часто задерживаемъ бригадою пѣхоты, предводимою принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ.

Графъ Воронцовъ выслалъ на рекогноспировку, за рѣку Камчикъ, небольшой отрядъ пѣхоты и кавалеріи, состоявшей изъ гвардейскаго егерскаго полка, трехъ эскадроновъ конныхъ егерей и улановъ, при двухъ орудіяхъ донской казачьей артиллеріи. Ведеты открыли непріятеля въ окрестностяхъ деревни Буласыкъ. Мѣстность, поросшая кустарникомъ и перерѣзан-

ная ручьями, не дозволяла развернуть войска. Вдруг донесли полковнику Залускому (польской арміи), подъ командою котораго состояла колонна, что турецкія силы втрое или вчетверо превышаютъ русскія войска. Въ эту минуту Залускій находился, въ главѣ колонны, съ гвардейскими егерями; но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать живо и атаковать турокъ безотлагательно, онъ смутился, потерялъ драгоцѣнное время, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ турецкою конницею и приказалъ отступать тогда, когда уже не представлялось къ тому никакой возможности. Егеря повернули; въ рядахъ ихъ произошло замѣшательство; ими овладѣла паника и они увлекли за собою кавалерію, долженствовавшую поддерживать пѣхоту. Хотя нѣсколько взводовъ собрались и устроились, но послѣ кровопролитной схватки и они были подавлены числомъ и послѣпно отступили.

Въ этомъ несчастномъ дѣлѣ были убиты генераль-маіоръ Гартунгъ, командиръ лейбъ-егерскаго полка, добровольно слѣдовавшій съ отрядомъ, полковники Саргеръ и Буссе, 15 оберъ-офицеровъ и до 450 нижнихъ чиновъ.

Алишъ-паша возгордился одержаннымъ успѣхомъ до такой степени, что хотѣлъ атаковать осадный лагерь, но скоро образумился и даже не переходилъ за Камчикъ.

Негодование и скорбь овладѣли императоромъ, когда онъ узналъ о печальномъ событіи, важность котораго была преувеличена турецкими бюлетенями. Въ первый разъ, со времени открытія кампаніи, русскія войска дали тылъ предъ непріятелемъ. Призвавъ къ себѣ полковника Залускаго, государь осыпалъ его упреками, лишилъ его чина, орденовъ и повелѣлъ написать рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Что же касается л.-гв. егерскаго полка, то его величество приказалъ генералу Бистрому, долго командовавшему этимъ прекраснымъ полкомъ, немедленно расформировать оный и распредѣлить людей въ 13-й и 14-й полевые егерскіе полки, чтобы, какъ выразился государь, „доставить имъ случай возстановить на полѣ битвы утраченную честь“.

Расформированіе лейбъ-егерскаго полка происходило въ присутствіи всѣхъ войскъ. Генералъ Бистромъ, со слезами на глазахъ, громко прочиталъ высочайшій приказъ и объявилъ, едва скрывая свое душевное волненіе, о судьбѣ, постигшей полкъ. Солдаты были такъ поражены своимъ несчастіемъ, что снимая съ себя гвардейскій мундиръ плакали и пѣловали знамя. Всѣ

попылись заглазить бѣду въ первомъ же дѣлѣ. Многие офицеры изломали свои шпаги.

Алишъ-паша, ожидавшій подкрѣпленій, которыхъ великій визирь не присылалъ ему изъ адрианопольскаго лагеря, не трогался подать помощь Варнѣ: онъ укрѣпился въ занятой имъ позиціи по сю сторону Камчика, въ десяти верстахъ къ югу отъ осажденнаго города. Осаждающимъ было извѣстно, что паша ждалъ прибытія Омера-Врѣоне съ слишкомъ восьмидесятысячнымъ отрядомъ.

Графъ Воронцовъ получилъ, въ это время свѣдѣніе, что значительная часть непріятельской конницы, пришедшей изъ Вургаса, показалась въ тылу фронта атаки генерала Головина и, повидимому, угрожала ретраншаментамъ, которые были построены въ этомъ направленіи для предохраненія осадныхъ батарей. Немедленно предписалъ онъ генералу Бистрому выступить туда съ достаточными силами и принять начальство надъ всеми войсками, назначенными дѣйствовать противъ Алишъ-паши и Омера-Врѣоне, уже начавшихъ маневрировать на южномъ берегу Варнскаго залива. Но вмѣсто того, чтобы идти впередъ, оба турецкіе военачальника заняли нѣсколько покинутыхъ жителями деревень и соединили ихъ между собою земляными верками и редутами, съ цѣлю имѣть опорную точку на случай, если бы не удалась попытка ихъ противъ осаднаго лагеря. Они не могли, конечно, надѣяться отгнать русскихъ отъ Варны, не могли даже подумать о томъ, чтобы выдержать борьбу въ открытомъ полѣ; но имъ хотѣлось тревожить осаждающихъ, угрожать имъ, произвести выгодную для осажденныхъ диверсію и замедлить взятіе города до тѣхъ поръ, пока не придутъ великій визирь и Гуссейнъ-паша, которые соединенными силами рассчитывали принудить русскихъ снять осаду.

У Алишъ-паши и у Омера-Врѣоне было всего не болѣе 15,000—20,000 человекъ; зная о критическомъ положеніи защитниковъ Варны, они, со своею слабою помощію, не смѣли однако перейти въ наступленіе. Графъ Воронцовъ, съ своей стороны, хотѣлъ выбить турокъ изъ занимаемыхъ ими позицій, не потому, чтобы они могли освободить Варну, но потому, что присутствіе ихъ могло продлить сопротивленіе гарнизона. Государь одобрилъ планъ графа Воронцова и приказалъ ускорить послѣднія осадныя дѣйствія въ то время, когда генералъ Бистромъ будетъ, непрерывными атаками, занимать отрядъ

Алишъ-паши и Омера-Вріоне и стараться удалить его отъ крѣпости. Съ этою цѣлю посланы были къ Бистрому всѣ войска, которыя можно было выдѣлать изъ осаднаго корпуса. Дѣло началось атакую лѣваго фланга позиціи Омера-Вріоне, произведенною генераломъ-адъютантомъ Сухозанетомъ съ двумя бригадами гвардейской пѣхоты и кавалеріи, поддержанными двумя ротами артилеріи. Овладевъ деревнею Хаджи-Гассанъ-Ларю, гдѣ турки расположили свой лагерь, Сухозанеть преслѣдовалъ ихъ конницею до аванпостовъ другаго укрѣпленнаго лагеря, и, утвердившись въ занятой деревнѣ, приказалъ набросать временныя верки на случай возвращенія прогнаннаго непріятеля. На другой день вечеромъ, 16-го сентября, прибылъ сюда, съ отрядомъ пѣхоты, принцъ Евгенийъ Вюртембергскій, который, отъ самой Шумлы, не переставалъ слѣдить за колонною Омера-Вріоне, тревожилъ ее, но не могъ предпринять ничего рѣшительнаго, потому что не имѣлъ при себѣ кавалеріи. Только подъ самымъ варнскимъ лагеремъ встрѣтилъ онъ конно-егерскій полкъ, запоздалое прибытіе котораго позволило Омелу-Вріоне соединиться съ Алишъ-пашою.

Принцъ Вюртембергскій нетерпѣливо желалъ перевѣдаться съ турками, и потому поспѣшилъ примкнуть къ небольшому отряду генерала Бистрома со своими солдатами, ослабленными тяжелыми испытаніями подъ Шумлою, а еще болѣе трудами и лишеніями при преслѣдованіи Омера-Вріоне по чрезвычайно утомительной дорогѣ. Прежде чѣмъ принцъ Евгенийъ поступилъ подъ команду Бистрома, этотъ генералъ уже отразилъ стремительную атаку турокъ, намѣревавшихся вновь овладѣть деревнею Хаджи-Гассанъ-Ларю и позиціями, потерянными за два дня передъ тѣмъ. Бой длился не менѣе четырехъ часовъ, и непріятель, возобновлявшій нападенія всегда съ новою запальчивостію, дрогнулъ только передъ штыками егерей и гвардейскихъ гренадеровъ: онъ заплатился 1,200 убитыхъ и раненыхъ и оставилъ два знамени въ рукахъ побѣдителей.

Послѣ этой неудачи, турки удалились въ свои окопы, и хотя отказались подать руку варнскому гарнизону возобновленіемъ атаки, однако не думали отступать; напротивъ, они начали усиливать свои позиціи верками, чтобы обезопасить себя отъ нападенія врасплохъ и, въ то же время, поставить русскія войска между двухъ огней. Въ этихъ-то позиціяхъ генералъ Бистромъ и рѣшился атаковать непріятеля, согласно

волѣ императора, и отбросить его возможно далѣе, овладѣвъ ретраншаментами. Положено было 18-го сентября повести одновременно двѣ атаки противъ Омера-Вріоне: одну на правый флангъ турокъ, въ видѣ демонстраціи, другую, дѣйствительную, на лѣвый.

Мѣстность, раздѣлявшая русскія укрѣпленныя линіи отъ турецкихъ, была пересѣчена оврагами, покрыта кустарникомъ и совершенно неудобна для дѣйствія кавалеріи. Турки выслали только застрѣльщиковъ, встрѣтившихъ жестокимъ огнемъ пѣхоту принца Вюртембергскаго въ то время, когда Вистромъ началъ мнимую атаку, которая могла быть только рекогносцировкой. Принцъ Евгенийъ, видя почти неодолимыя препятствія избраннаго пункта атаки, приказалъ отступить на позиціи, занимаемыя генераломъ Сухозанетомъ; но его приказаніе не было ни понято, ни исполнено. Часть его войска, именно бригада генераль-маіора Дурново, бросилась на ближайшій редутъ и овладѣла имъ. вмѣсто того, чтобы удовольствоваться этимъ первымъ успѣхомъ и отвести своихъ егерей къ Хаджи-Гассанъ-Ларѣ, генераль Дурново первый, въ главѣ ихъ, устремился на турецкіе ретраншаменты, закричавъ: „они ваши, ребята!“ Онъ былъ сраженъ пудею въ грудь. Крикъ ярости и отчаянія послужилъ знакомъ къ штурму: егеря взобрались на брустверь, ниспровергая все встрѣчавшееся имъ на пути; однако непріятель, несравненно многочисленнѣйшій, отвѣчалъ на штыковую атаку сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ. Бригада, овладѣвшая уже нѣсколькими редутами, увидѣла себя въ необходимости оставить ихъ, и не только не была поддержана другими баталіонами, которые принцъ Вюртембергскій едва удерживалъ въ бездѣйствіи, но еще подвергалась опасности быть подавленною турецкою конницею, готовившеюся ударить ей во флангъ. Сомкнувшись и отбиваясь, егеря потеряли половину людей, такъ молодецки ринувшихся за своимъ неустрашимымъ вождемъ генераль-маіоромъ Дурново. Къ счастью, батарея конной артилеріи и гвардейскіе уланы подоспѣли на помощь и спасли уцѣлѣвшихъ егерей, которые, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, упорно отказывались положить оружіе. Они готовы были погибнуть до послѣдняго, чтобы отмстить за „храбраго генерала“, какъ они стали называть Дурново послѣ одного изъ дѣлъ подъ Шумлою, и проливая слезы

надъ его тѣломъ, дали другъ другу слово заплатить туркамъ кровавою расправою.

Геройское мужество этой горсти людей поразило турокъ такимъ изумленіемъ, вселило въ нихъ такой страхъ, что, отказавшись отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій, они думали только о томъ, какъ бы предохранить себя отъ новыхъ атакъ, съ большими предосторожностями выходили изъ своихъ окоповъ и уже ничего не предпринимали до паденія Варны.

Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя 18-го сентября (при Куртепѣ) участь осажденной крѣпости была рѣшена: чрезъ нѣсколько дней она должна была сдаться или быть взята штурмомъ. Непріятель зналъ это; но, теряя Варну, ободрялъ себя надеждою, что русскіе снимутъ осаду Силистріи и Шумлы.

Надежды турокъ были не совсѣмъ безосновательны. Положеніе нашихъ войскъ подъ Шумлою и Силистріею не только не улучшилось, но становилось болѣе и болѣе критическимъ. Сами осажденные, такъ сказать, въ своихъ лагеряхъ, они испытывали всякаго рода лишенія и бѣдствія. Лошади гибли отъ недостатка воды и корма; малое количество и дурное качество продовольствія увеличивало число людей больныхъ и умирающихъ; въ большей части полковъ наличный составъ уменьшился на половину, и весьма многіе солдаты, ослабленные изнурительною лихорадкою, едва были въ силахъ стоять подъ ружьемъ. Вообще лихорадка, переходившая иногда въ тифъ, гораздо болѣе чѣмъ огонь осаждающихъ похитила жертвъ, въ томъ числѣ многіхъ генераловъ и офицеровъ, потеря которыхъ въ особенности была чувствительна для императора. Такъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й (Константинъ) былъ сраженъ эпидеміею, въ полной силѣ лѣтъ, послѣ кратковременной болѣзни. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ предприимчивыхъ и искусныхъ генераловъ, онъ отличился въ двадцати дѣлахъ съ открытія кампаніи. Днемъ и ночью его всегда видѣли на аванпостахъ; въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ онъ ни разу не отдыхалъ въ постели, не спалъ даже на бивуакѣ. Занявъ Праводы съ летучимъ отрядомъ, Бенкендорфъ вознамѣрился перелетѣть за Балканы, въ тылъ турецкой арміи: онъ располагался въ болотахъ, терпѣлъ голодъ и жажду въ невыносимой зной и, изнуренный, возвратился въ Праводы, гдѣ умеръ чрезъ два дня, поручивъ сказать государю, что не желалъ бы умереть прежде взятія Варны.

агентами. Генераль-маіоръ Гейсмаръ, имѣвшій не болѣе пяти или шести тысячъ человѣкъ, не нашелъ въ странѣ содѣйствія, котораго ожидалъ: при отступленіи своемъ онъ не только терпѣлъ чрезвычайныя лишенія, но и не зналъ, гдѣ пріютить своихъ раненыхъ и больныхъ. Половина несчастныхъ погибла въ пути; уцѣлѣвшіе были привезены въ Бухарестъ на ста восьмидесяти лазаретныхъ фурахъ. Къ счастью, графъ Ланжеронъ, назначенный главнымъ начальникомъ въ Валахіи, поспѣшилъ послать Гейсмару подкрѣпленіе изъ трехъ тысячъ человѣкъ, что имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ отступленіе виддинскаго паши и занятіе Гейсмаромъ вновь позиціи впереди Крайовы. Но паша скоро узналъ, что у противника его не болѣе шести или семи тысячъ человѣкъ, и потому 22-го сентября атаковалъ его всѣми своими силами. Упорный бой длился до вечера. Гейсмаръ отступилъ, чтобы не быть окруженнымъ вчетверо сильнѣйшимъ непріателемъ, но ночью вернулся на поле сраженія, гдѣ расположились турки, тихо подвелъ свои войска, построеныя въ три колонны, къ турецкиимъ бивуакамъ, и произвелъ одновременное нападеніе на непріятельскій лагерь съ трехъ сторонъ. Застигнутые во снѣ, турки думали видѣть предъ собою новую русскую армію, пытались кое-какъ защищаться, но скоро бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ, побросавъ оружіе и оставивъ въ рукахъ побѣдителей до шести сотъ плѣнныхъ, семь пушекъ, двадцать-четыре знамени, множество лошадей и шесть сотъ повозокъ съ продовольственными военными и запасами. Самъ паша виддинскій едва ускользнулъ отъ плѣна, переправясь въ лодкѣ черезъ Дунай.

Это смѣлое предпріятіе избавило Вадахію, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, отъ вторженій турокъ, и показало враждебному или колебавшемуся населенію, что русская армія, хотя и ослабленная болѣзнями, могла держаться въ княжествахъ.

Особенно утѣшали и радовали императора побѣдныя извѣстія, одно за другимъ приходившія отъ Паскевича.

Баязетъ, Топракъ-Кале, укрѣпленія Діадинскія, Ардаганъ быстро и съ самою незначительною потерею пали предъ немногочисленными, но истинно боевыми и превосходно одушевленными войсками кавказскаго корпуса. Доносъ объ этихъ блистательныхъ подвигахъ, Паскевичъ извѣщалъ, что пашалыки Карсскій, Ахалкалакскій, Ахалцыхскій, Баязетскій, Ардаганскій были совершенно очищены отъ непріятеля, и, въ виду

скорого наступленія осенней непогоды, считалъ кампанію оконченною, хотя генераль-маіоръ князь Чавчавадзе, со своими грузинскими и армянскими милиціонерами, преслѣдовалъ турокъ до Мушкского пашалыка. Русское знамя развѣвалось теперь до истоковъ Евфрата.

Наконецъ и осада Варны приближалась къ своему концу. Двѣ мины были заложены подъ стѣнами крѣпости; одна изъ нихъ, горнъ которой находился на углу сѣвернаго, ближайшаго къ морю, бастіона, была взорвана вечеромъ 22-го сентября и завалила ровъ обломками этого бастіона. Осажденные, до сихъ поръ ничего не знавшіе о минныхъ работахъ осаждающихъ, заподозрѣли теперь существованіе другой мины, имѣвшей свой горнъ подъ правымъ фасомъ втораго сѣвернаго бастіона, и потому ночью пытались четыре раза вытѣснить минеровъ и не допустить мину до взрыва. Но полковникъ Шильдеръ лично зарядилъ эту мину подъ огнемъ крѣпости, а послѣ полудня она была взорвана, вслѣдствіе чего образовалась вторая брешь, удобопроеходимая для немедленнаго штурма.

Графъ Воронцовъ настаивалъ не откладывать штурма; императоръ не соглашался, говоря, что продолжительная осада и безъ того похитила много людей и что нельзя безопасно еще болѣе ослаблять армію.

— „Штурмъ стоилъ бы намъ, можетъ быть, двухъ тысячъ человекъ!“ замѣтилъ императоръ.

— „А можетъ быть и шести тысячъ!“ отвѣчалъ Воронцовъ. — „Мы имѣемъ дѣло съ восьми или десятитысячнымъ гарнизономъ и съ двадцатью тысячами вооруженныхъ жителей“.

— „Я подожду, если нужно, десять дней“, возразилъ государь, — „Мнѣ желательно избѣгнуть урона; онъ былъ бы невозможимъ при настоящихъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ, казался бы мнѣ слишкомъ горестною жертвою, принесенною единственно для того, чтобы десятью днями раньше занять городъ, который отнынѣ я могу считать взятымъ или сдавшимся“.

Итакъ, несмотря на двѣ открытыя бреши и легкій доступъ, представляемый въ особенности сѣвернымъ бастіономъ, государь цѣлыхъ два дня не соглашался на штурмъ. Онъ зналъ, что оба начальника крѣпости, Юсуфъ-паша и Иццетъ-Мехметъ-паша, болѣе чѣмъ когда-либо не ладили между собою, и на-

дѣялся, что слѣдствіемъ ихъ вражды будетъ предложеніе капитуляціи. Бреши, въ продолженіе двухъ дней, даже не задѣлывались и гарнизонъ не предпринималъ ничего для отраженія общей атаки; на валахъ не было видно албанцевъ Юсуфа-паши; войска же, занимавшія ровъ, принадлежали къ личной стражѣ Ицдетъ-Мехмета. Эти послѣднія, хотя и малочисленные, твердо держались на своемъ посту и не обращали вниманія на канонаду, которая ежеминутно валила людей во рву, гдѣ иногда бились холоднымъ оружіемъ.

— „Умоляю ваше величество дозволить намъ приступъ“, сказалъ великій князь Михайлъ. — „Вотъ уже шестьдесятъ часовъ, что мы должны были бы быть въ крѣпости. Иначе она не сдастся“.

— „Не могу согласиться на общій приступъ: онъ стоилъ бы намъ слишкомъ дорого“, отвѣчалъ императоръ. — „Но въ ближайшемъ къ морю бастионѣ путь продолженъ такъ хорошо, что не трудно устроить тамъ ложементъ и помѣстить батарею. Такимъ образомъ мы станемъ ногою въ крѣпости, и тогда Варна убѣдится въ невозможности продолжать оборону“.

— „Завтра, на разсвѣтѣ, бастионъ № 1-й будетъ занятъ; но я увѣренъ, государь, что если бы былъ произведенъ общій штурмъ, то мы взяли бы городъ такъ же легко, какъ возьмемъ этотъ бастионъ“.

— „Ты понялъ меня, Мишель: береги людей; пощадимъ ихъ кровь“, отвѣчалъ императоръ.

Выбраны были сто-десять самыхъ неустрашимыхъ и самыхъ надежныхъ застрѣльщиковъ и матросовъ для эскалады бреши, подъ командою флотскаго офицера, лейтенанта Зайцевскаго; рота 13-го егерскаго полка и двѣ роты Измайловскаго были назначены поддерживать атаку; сто-пятьдесятъ саперовъ, съ турами, были назначены для устройства батареи на бреши. На другой день, 25-го сентября, за часъ до разсвѣта, три ложныя атаки отвлекли гарнизонъ на три различные пункта верковъ; въ это время Зайцевскій, со своими ста-десятью удалцами, безъ выстрѣла прошелъ брешь и положилъ на мѣстѣ турокъ, ее охранявшихъ; но вмѣсто того, чтобы остановиться для устройства ложемента и утвердиться на бастионѣ, егеря и матросы увлеклись, проникли въ городъ и пытались овладѣть имъ. Такой отважный замыселъ превышалъ, конечно, ихъ силы, и хотя посланы были, одна за другою, роты для поддержки или, точнѣе, для

спасенія храбрецовъ, ворвавшихся въ самый центръ Варны, однако, для избѣжанія напраснаго кровопролитія, надлежало подумать объ отступленіи. Оно совершилось въ добромъ порядкѣ, благодаря оцѣпененію, овладѣвшему гарнизономъ и жителями при видѣ столь неожиданнаго вторженія.

Виновники отважнаго набѣга воротились почти всё здравы и невредимы, принесли съ собою два знамени, привели много христіанскихъ женщинъ и дѣтей, послѣдовавшихъ за ними, и прежде чѣмъ оставить бастионъ, котораго не могли уже ни занять, ни оборонять противъ превосходнаго силами непріятеля, отчасти загленили пушки, отчасти сбросили ихъ въ ровъ. Эта смѣлая, до безразсудности, попытка стоила тѣмъ не менѣе осадному корпусу отъ трехъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, и хотя непріятель потерялъ вдвое больше, однако императоръ былъ очень недоволенъ ея результатомъ. Его величество еще разъ выразилъ свою непремѣнную волю не предпринимать штурма и терпѣливо ожидать добровольной сдачи крѣпости.

26-го сентября, турецкій офицеръ, состоявшій при Юсуфъ-пашѣ въ должности секретаря, былъ присланъ въ главную квартиру для переговоровъ о сдачѣ Варны. Государь приказалъ отправить его къ адмиралу Грейгу. Это первое совѣщаніе не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ свиданія адмирала съ Юсуфомъ въ траншеѣ. Грейгъ, убѣжденный, что переговоры начаты съ единственною цѣлію выиграть время, совѣтовалъ государю не входить ни въ какія соглашенія, такъ какъ они не приведутъ ни къ чему. Это и обнаружилось на другой же день: переговоры, возобновившіеся въ палаткѣ графа Воронцова, были такъ же безплодны, какъ и наканунѣ, вслѣдствіе чего императоръ приказалъ продолжать осадныя работы и не прерывать огня. Однако вечеромъ Юсуфъ-паша лично прибылъ въ нашъ лагерь: онъ просилъ о перемиріи и о капитуляціи, сказавъ, что Варна истощила всё средства къ оборонѣ и что онъ считаетъ долгомъ челоуѣколюбія предохранить городъ отъ штурма. Но какъ Юсуфъ не былъ уполномоченъ переговариваться со стороны коменданта, то у него потребовали согласія Иццета-Мехмета-паши. Онъ возвратился въ Варну.

28-го сентября Юсуфъ опять прибылъ въ нашъ лагерь, сопровождаемый своимъ штабомъ, и предъявилъ декларацію, написанную и подписанную имъ однимъ. Сущность ея содер-

жанія заключалась въ необходимости сдать Варну; но такъ какъ капитанъ-паша и слышать не хотѣлъ о капитуляціи, то „онъ, Юсуфъ-паша—сказано было въ деклараціи—рѣшился не возвращаться въ Варну и теперь же отдаетъ себя, со своими войсками, подъ покровительство російскаго императора“. Графъ Воронцовъ и адмиралъ Грейгъ приняли перемиріе, съ условіемъ, чтобы гарнизонъ положилъ оружіе и остался военнопленнымъ.

Когда Воронцовъ представилъ это соглашеніе на утверженіе его величества и просилъ о прекращеніи огня, императоръ Николай, находившійся въ своей палаткѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ, произнесъ только слѣдующія знаменательныя слова: „Благодареніе Богу! Владиславъ отмщенъ!“

Слова, сказанныя въ эту минуту, были внушены мыслию, занимавшею государя въ теченіе продолжительной осады, о трагической и несчастной судьбѣ короля польскаго Владислава IV, убитаго подъ стѣнами Варны въ 1444 году.

Вскорѣ послѣ того, какъ былъ прекращенъ огонь, появился на варнскомъ рейдѣ фрегатъ „Пантелеймонъ“, прибывшій изъ Одессы. На немъ находились: принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій, герцогъ Мортемаръ, французскій посланникъ, генералъ-лейтенантъ Дорнбергъ, министръ короля Ганноверскаго, и баронъ Пальмштирна, чрезвычайный посолъ короля Шведскаго. Отсутствіе англійскаго посланника доказывало, что британское правительство было недовольно непринятіемъ посредничества Англіи. Всѣ эти дипломаты, узнавъ о неминуемомъ паденіи Варны, хотѣли быть свидѣтелями событія, которое могло повлечь за собою соглашеніе между Россіей и Портою Оттоманской, и, во всякомъ случаѣ, признавалось представителями иностранныхъ державъ за неизбѣжную точку остановки военныхъ дѣйствій. Они просили о немедленномъ представленіи ихъ императору.

Государь, только что окончившій объѣздъ лагеря, милостиво принялъ дипломатовъ, и, улыбаясь, сказалъ:

— А я собираюся въ Петербургъ: Варна взята и кампанія кончена.

Герцогъ Мортемаръ выразилъ, отъ имени своихъ товарищей, надежду на скорый миръ. „Оттоманская Порта — прибавилъ онъ — знаетъ теперь собственнымъ опытомъ, каково могущество Россіи.“ Но императоръ уклонился дать разговоръ

политическій оборотъ и неожиданно свелъ рѣчь на графа Ла-Феронна, барона Бургоэна, маркиза Крюссоя и маркиза Ла-Рошжаклена, которые, служа въ нашей арміи волонтерами, отличались въ послѣднихъ дѣлахъ съ турками.

— „Стало быть, можно сказать, что и Франція принимала нѣкоторое участіе во взятіи Варны“, прибавилъ государь.

Откланявшись его величеству, герцогъ Мортемаръ поспѣшилъ увидѣться съ графомъ Нессельроде, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заняться разрѣшеніемъ тѣхъ затрудненій, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе предстоявшей блокады Дарданель русскимъ флотомъ. Нессельроде, зная мысли и намѣренія государя по этому предмету, далъ вѣжливо-уклончивый отвѣтъ, сказавъ, что, по отсутствію англійскаго посланника, надобно отложить всякое совѣщаніе, относящееся къ лондонскому трактату, который, впрочемъ—замѣтилъ нашъ министръ—достигнетъ своей цѣли благодаря французской экспедиціи въ Морею. Когда же герцогъ Мортемаръ упомянулъ о новыхъ вопросахъ, которые взятіе Варны можетъ возбудить въ распрѣ Россіи съ Портою, графъ Нессельроде отозвался, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, императоръ никоимъ образомъ не согласится заняться, передъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, дѣлами, не имѣющими существенной важности и не требующими безотлагательнаго рѣшенія.

— „Такъ его величество рѣшился ѣхать немедленно!—воскликнулъ изумленный посланникъ.—„Я этого не думалъ... А война?“

— „Война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мой августѣйшій монархъ получитъ удовлетвореніе, въ которомъ султанъ отказывается ему“, отвѣчалъ Нессельроде хладнокровно.

— „Но если султанъ будетъ упорствовать и если русскія войска пойдутъ на Константинополь?...“

— „Господинъ герцогъ—прервалъ Нессельроде улыбаясь—не все ли равно, гдѣ будетъ подписанъ миръ: въ Константинополь, въ Варнѣ ли, въ Шумлѣ или въ Силистріи?“

Тогда преобладало въ Европѣ мнѣніе, распространенное не только въ публикѣ и въ печати, но и въ дипломатическихъ кружкахъ, будто императоръ Николай, объявляя войну Турціи, не имѣлъ другой мысли, какъ овладѣть Константинополемъ и тамъ основать столицу своего царства....

Въ этотъ же день собирався военный совѣтъ, подъ пред-

сѣдательствомъ императора, для обсужденія плана дѣйствій послѣ занятія Варны. Снятие осады Шумлы было рѣшено еще прежде, но никто не поколебался требовать продолженія осады Силистріи. Была рѣчь и о проектѣ кампаніи, который уже не разъ появлялся въ военныхъ соотѣтахъ, но никогда не встрѣчалъ поддержки со стороны императора: предлагалось тотчасъ оставить осаду Шумлы и Силистріи, сосредоточить всѣ силы, которыми могла еще располагать русская армія, идти на Константинополь и дать султану генеральное сраженіе подъ стѣнами его столицы. На это графъ Воронцовъ замѣтилъ:

— Мы съ большимъ трудомъ соберемъ сто тысячъ чело-
вѣкъ, а турецкая армія, раздѣленная теперь на три части, въ Шумлѣ, въ Адрианополѣ и въ Рамитшъ-Чиолякскомъ лагерѣ, вдвое или втрое многочисленнѣе.

— „Черезъ двѣнадцать дней можно перейти Балканы и явиться предъ Константинополемъ“, возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Императоръ слушалъ, хладнокровный, задумчивый, но не высказалъ своего мнѣнія о предложенномъ планѣ.

Графъ Воронцовъ настоялъ на необходимости прежде всего избавиться неудобнаго сосѣдства войскъ Омера-Вріоне, который уже давно стоялъ неподвижно въ своихъ позиціяхъ впереди рѣки Камчика, но могъ, съ часу на часъ, устремиться на линію осаднаго лагеря. Извѣстно было впрочемъ, что великій визирь отказалъ ему въ присылкѣ денегъ на жалованье албанцамъ, грозившимъ разойтись по домамъ. Приписывали также серьезнымъ затрудненіямъ медленность Омера-Вріоне въ подачѣ помощи осажденной крѣпости.

Какъ бы то ни было, принцъ Евгенийъ Вюртембергскій получилъ предписаніе, не ожидая занятія Варны, выбить Омера-Вріоне изъ занимаемыхъ имъ позицій и преслѣдовать его.

Принцъ немедленно выступилъ со своимъ отрядомъ.

XXVIII.

Разговоръ императора съ великимъ княземъ Михаиломъ. — Обстоятельства капитуляціи Варны. — Въездъ сюда императора. — Возвращеніе въ Одессу. — Буря на Черномъ морѣ.

А Варна все еще не сдавалась. Завтра (29-го сентября) истекать срокъ перемирія. Юсуфъ-паша, раздраженный медленностію переговоровъ, дажъ знать гарнизону, что онъ уже

кончилъ соглашеніе съ русскими и что защитникомъ крѣпости остается только безусловно положить оружіе. Это извѣстіе произвело въ городѣ необыкновенное смятеніе. Капитанъ-паша Ицдетъ-Мехметъ, протестовавъ противъ всякаго рода капитуляціи, заперся въ цитадели съ тремястами человѣкъ, поглавшихся умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Вечеромъ 28-го сентября императоръ узналъ, что турецкія семейства, пользуясь перемиріемъ, перебрались на суда со всѣмъ своимъ имуществомъ и намѣрены выйти изъ варнакаго порта. Государь не только не воспротивился тому, но еще приказалъ содѣйствовать выходцамъ, отплывшимъ въ Константинополь на десяти или двѣнадцати небольшихъ судахъ.

29-го сентября, въ полдень, долженъ былъ возобновиться огонь, если бы капитуляція не состоялась. Въ Варнѣ оставалось не болѣе шести или семи тысячъ человѣкъ, способныхъ обороняться; остальные погибли во время осады или разбѣжались. Двѣ тысячи раненыхъ умирали въ госпиталяхъ безъ всякой помощи; среди населенія свирѣпствовали болѣзни и голодъ. Солдаты гарнизона по-одиночкѣ приходили на наши аванпосты и просили накормить ихъ.

Вечеръ этого дня императоръ провелъ въ своей палаткѣ, на-единѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ. Рассказываютъ, что государь находился еще подъ вліяніемъ того плана кампаніи, который былъ обсуждаемъ, въ его присутствіи, на военномъ совѣтѣ, и на основаніи котораго предполагалось оставить осаду крѣпостей и идти къ Константинополю.

— „Планъ смѣлый, но рискованный“—замѣтилъ великій князь.— „Побѣда, одержанная надъ турецкою арміей, отворила бы намъ ворота Царяграда...“

— „А если мы овладѣемъ Царьградомъ?...“ проговорилъ императоръ задумчиво, какъ-будто искалъ разрѣшенія своихъ думъ въ этомъ великомъ событіи.

— „Трудно будетъ удержаться въ такомъ обширномъ городѣ“, возразилъ великій князь.— „Во всякомъ случаѣ, мы предпишемъ миръ султану и...“

— „А храмъ святой Софіи!“ воскликнулъ вдругъ императоръ.— „Да!“ продолжалъ онъ, поясняя свою мысль, повидимому непонятую великимъ княземъ: „Святая Софія храмъ христіанскій, оскверненный турками, и прежде всего слѣдуетъ возвратитъ его православному греческому исповѣданію, что, однако,

приготовило бы въ будущемъ источникъ нескончаемыхъ затрудненій....“

Религіозная дума постоянно занимала императора Николая въ продолженіе всей кампаніи, какъ онъ самъ сознавался; долго спустя, одному изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ. На выраженное этимъ довѣреннымъ лицомъ удивленіе, государь замѣтилъ, что царь русскій долженъ исполнять свои обязанности и какъ защитникъ и покровитель православія.

Въ теченіе ночи наибольшая часть варискаго гарнизона перенеслась въ нашъ лагерь, но турецкіе солдаты еще не были обезоружены здѣсь. Утромъ 29-го сентября албанскіе конники, тѣлохранители Юсуфа-паши, выступили, въ полномъ вооруженіи изъ города, быстро промчались, чрезъ весь нашъ лагерь, къ палаткѣ, которая, по волѣ государя, была отведена ихъ предводителю, и расположились вокругъ нея. Вслѣдъ за этими конниками прибыли, въ значительномъ числѣ, турецкіе и албанскіе офицеры и солдаты, большею частію спѣшенныя, но всѣ вооруженныя, образовали тамъ и здѣсь угрожающія группы и мало-по-малу сближались къ императорской главной квартирѣ.

Въ эту минуту, императоръ Николай, послѣдуемый въ нѣкоторомъ отдаленіи иностранными посланниками, прохаживался съ великимъ княземъ Михаиломъ и графомъ Воронцовымъ, какъ-будто въ лагерѣ не было ни одного непріятеля. Къ счастью, генераль Бенкендорфъ замѣтилъ опасность, которая могла угрожать государю со стороны фанатическихъ мусульманъ. Положеніе было таково, что имѣли поводъ опасаться злаго умысла или измѣны; но Преображенскій полкъ, занимавшій высоты, спустился съ нихъ бѣглымъ шагомъ, да кромѣ того прискакали во весь опоръ три эскадрона гусаровъ, чтобы защитить и охранить монарха, не подозревавшаго опасности. Только теперь успѣли обезоружить турокъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ; албанская же конница сложила оружіе по приказанію Юсуфа-паши.

Срокъ перемирія, между тѣмъ, оканчивался, а капитан-паша, заключившійся въ цитадели, все еще не соглашался ни на какія условія и отвѣчалъ, что не сдастъ города. Графъ Воронцовъ приготовился, вслѣдствіе того, возобновить огонь противъ крѣпости. Канониры уже стояли у орудій; отпали дымилась; войска эшелонированныя въ траншеяхъ, ждали сиг-

нала къ атакѣ, какъ вдругъ Воронцову сказали, что можно войти въ городъ безъ выстрѣла и что остатки гарнизона на валахъ не окажутъ сопротивленія. Тотчасъ же нѣсколько баталіоновъ проведены были къ потаеннымъ воротамъ, извѣстнымъ одному непріятелю и до которыхъ еще не достигли осадныя работы. Ворота были разбиты топорами и наши безпрепятственно вступили въ нихъ съ барабаннымъ боемъ. Турки, находившіеся на бастіонахъ, спокойно оставили свои мѣста. Затѣмъ чрезъ брешь вошли, съ распущенными знаменами, тринадцатый и четырнадцатый егерскіе полки, послѣдуемые гвардейскимъ сапернымъ баталіономъ и Измайловскимъ полкомъ. Всѣ эти войска заняли, безъ выстрѣла, не только городъ, но и часть цитадели, гдѣ засѣлъ Ицдетъ-Мехметъ-паша. Не думая о капитуляціи, онъ послалъ сказать императору: — „Если, до истеченія четырехъ часовъ, ваше величество не дозволите мнѣ присоединиться къ корпусу Омера-Вроне, то я взорву цитадель вмѣстѣ съ храбрецами, поклявшимися раздѣлить мою участь“.

— „Въ первый разъ побѣжденный предписываетъ условія побѣдителю“, отвѣчалъ императоръ. — „Скажите капитану-пашѣ, что я уважаю мужество моихъ враговъ и не хочу ихъ гибели. Онъ имѣетъ право выйти съ тѣми, которые захотятъ сопровождать его“.

Но прежде чѣмъ кончились эти странные переговоры, войска наши уже заняли цитадель и взяли въ плѣнъ Капитана-пашу.

Лишь только русское знамя появилось на стѣнахъ Варны, флотъ возвѣстилъ о паденіи крѣпости триста однимъ выстрѣломъ.

Государь, изъ уваженія къ мужественной оборонѣ капитана-паша, позволилъ ему выйти изъ цитадели съ конвоемъ изъ четырехъ сотъ человекъ. Юсуфу же императоръ разрѣшилъ сохранить при себѣ албанскую конницу и вмѣстѣ съ нею возвратиться въ Константинополь; но этотъ паша уклонился отъ опасной чести, зная, какая судьба ожидаетъ его въ султанской столицѣ. Онъ предпочелъ остаться въ предѣлахъ Россіи, и впоследствии, когда огромныя помѣстья его въ Македоніи были конфискованы, получилъ землю въ Крыму и пенсію. Разумѣется, въ Турціи его провозгласили измѣнникомъ и главнымъ виновникомъ паденія крѣпости, хотя двухмѣсячная оборона Варны

явно опровергала всё подобныя обвиненія. Обвинителемъ Юсуфа въ глазахъ Махмуда былъ Иццетъ-паша, его личный врагъ.

огорженный вѣздъ императора въ Варну былъ назначенъ только на слѣдующій день, потому что предварительно его величество хотѣлъ обозрѣть состояніе осадныхъ работъ, готовыхъ исчезнуть, и собственными глазами удостовѣриться въ тѣхъ преградахъ, надъ которыми надлежало восторжествовать для одолженія твердыни, такъ хорошо оборонявшейся. Сопровождаемый великимъ княземъ, графомъ Воронцовымъ, адмираломъ Грейгомъ и главнымъ штабомъ, государь осматривалъ траншеи, прикрытые пути, батареи; внимательно изслѣдовалъ все, что было сдѣлано нашими инженерами съ самаго начала осады до послѣднихъ дѣйствій, и что, по отзывамъ правдивыхъ знатоковъ, смѣлостью и могуществомъ средствъ атаки превосходило всё употреблявшіяся до толъ фортификаціонныя средства; спукался въ ровъ для обзора трудныхъ минерныхъ работъ; забирался на брешь и на валъ, еще увѣнчанный турами; видѣлъ и тѣ веревы, которые атака и оборона оспаривали другъ у друга съ наибольшимъ упорствомъ при концѣ осады.

— „Горжусь и восхищенъ всѣмъ, что видѣлъ“, сказалъ императоръ, обращаясь къ своей свитѣ. — „Я едва могу освоиться съ мыслию, что мы овладѣли Варною: крѣпость слыла неодолимою, и дѣйствительно была такою для всякой другой арміи, кромѣ нашей. Послѣ подобнаго успѣха, мы смѣло можемъ начать новую кампанію“.

Несмотря на продолжительную и стойкую оборону гарнизона, въ крѣпости были найдены большіе запасы оружія, пороха и снарядовъ, и сто-шестьдесятъ два орудія всѣхъ калибровъ. Тридцать знаменъ и штандартовъ, въ клочки изорванныхъ картечью, были взяты на валахъ и немедленно отосланы въ С.-Петербургъ. Шесть тысячъ восемь сотъ плѣнныхъ направлены, нѣсколькими колоннами, на Тирасполь и на Кіевъ.

Возвратившись на корабль „Городъ Парижъ“, императоръ подписалъ (29-го сентября) два рескрипта на имя графа Воронцова и адмирала Грейга: первому была пожалована золотая, украшенная алмазами, шпага, съ надписью: „за взятіе Варны“; второму орденъ св. Георгія Побѣдоносца второй степени. Въ ту минуту, когда государь подписывалъ рескрипты, получено было письмо отъ Дибича, который, поздравляя его величество

съ предстоящимъ окончаніемъ осады Варны, выражала горькое сожалѣніе по томъ, что осада Шумлы не имѣла столько же счастливаго исхода. Надежды начальника главнаго штаба прорѣснлись; онъ уже сознавался, что паденіе Шумлы еще далеко, но продолжалъ утверждать, что дѣло приняло бы иной оборотъ, если бы, какъ онъ просилъ, ему прислали гвардейскій корпусъ. Императоръ, съ своей стороны, пенявалъ, что вѣнціе Варны отзовется въ душѣ Дибича чувствомъ досады и горечи, и потому, желая пощадить его оскорбленное самолюбіе, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго при вѣстномъ рескриптѣ (отъ 30-го сентября), въ которомъ были перечислены труды и заслуги начальника главнаго штаба съ открытія военныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Въ приказѣ отъ 29-го сентября объявлены были войскамъ высочайшія удовольствіе и признательность. Гвардейскому саперному баталіону и 4-му саперному баталіону пожалованы георгиевскія знамена, съ надписью: „За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпости Варны“, и такія же знамена 13-му и 14-му егерскимъ полкамъ, съ надписью: „За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпостей Анапы и Варны“. Въ томъ же приказѣ были помѣщены и многочисленныя производства и награды между отличившимся генералами и офицерами.

На другой день, 30-го сентября, нашъ черноморскій флотъ, весь разукрашенный ослатами, отвѣчалъ на выстрѣлы, раздававшіеся въ лагерѣ и на валахъ при въздѣ императора въ Варну: войска стояли подъ ружьемъ и образовывали шпалеру; но это военное зрѣлище не привлекло любопытныхъ; городскіе дома казались опустѣлыми и ни одинъ обыватель не вынесъ на плоскую крышу своего жилища. Государь въѣхалъ верхомъ на конѣ, сопровождаемый великимъ княземъ; за ними слѣдовали чины главнаго штаба и иностранные посланники, кромѣ англійскаго. Улицы были полузавалены горами мусора, трунами людей и лошадей, распространившими невыносимое зловоніе. Императоръ сошелъ съ коня у небольшой греческой церкви, казавшейся то чудомъ уцѣлѣвшей посреди развалинъ. Здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебень. Православная божественная служба, во виду картины смерти и запустѣнія, умиленной владыбной пѣснью Царю царствующимъ, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ поразительное, неизгладимое впечатлѣніе.

Передъ отъходомъ изъ Варны, государь самъ осмотрѣлъ всея ея оборонительныя верки, приказалъ исправить и улучшить ихъ, назначилъ коменданта, опредѣлилъ цѣну гарнизона, достигая затѣмъ собственно города, распорядился немедленнымъ принятіемъ мѣръ къ очищенію улицъ и уничтоженію слѣдствъ бомбардированія, указавъ на тѣ мѣста, гдѣ надлежало учредить госпитали и магазины и повелѣлъ озаботиться скорѣйшимъ открытіемъ порта.

1-го октября, въ праздникъ Покрова Богородицы, отелушечъ былъ на берегу моря, насупротивъ Варны, благодарственный молебень въ присутствіи всехъ войскъ. Когда умолкли выстрѣлы съ золота и съ крѣпостныхъ валовъ, государь приблизился къ гвардейскому саперному баталіону, самъ прикрѣпилъ георгіевскій крестъ къ новопожалованному знамени и обратился къ саперамъ со слѣдующими словами:

— Вы вполнѣ заслужили такое отличіе. Мнѣ пріятно, что вы не забыли словъ покойнаго императора, который, вручая вамъ знамя, сказалъ: — „при первомъ случаѣ, вы обѣщаете это знамя на георгіевское“. — Осада Варны, благодареніе Богу, не обманула моихъ ожиданій.

Послѣ смотра войскъ, государь опять остановился передъ фронтомъ гвардейскаго сапернаго баталіона и сказалъ:

— Мы взяли Варну и вы, саперы, много содѣйствовали тому. Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ!... Месяцъ, вашего стараго сослуживца, вы порадовали наилучшимъ праздникомъ въ варненскій траншеѣ.

Возвращаясь на ворабль „Городъ Парижъ“, императоръ вдругъ замѣтилъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ (называется, Адлербергу), что, при изъявленіи своего удовольствія и своей признательности войскамъ за взятіе Варны, забылъ того, о комъ прежде всѣхъ слѣдовало бы вспомнить.

Генералъ-адъютантъ, помышляя въ эту минуту только объ опасности, которая могла угрожать императору по причинѣ сильнаго волненія, гнавшаго шлюпку, несмотря на все усилія матросовъ, къ берегу, и не понявъ истиннаго смысла словъ его величества, воскликнулъ разсѣянно:

— Слава Богу! Ваше величество въ послѣдній разъ переправляетесь изъ лагера на олотъ въ такую бурную погоду....

— „Кто тебѣ говорить о погодѣ и о морѣ!“ отвѣчалъ государь, улыбаясь. — „Я сказалъ, что имѣлъ несправедливостъ

забыть князя Меншикова; но, къ счастью, еще не поздно исправить эту забывчивость“.

Ступивъ на палубу корабля и не снимая съ себя мундиръ шинели, государь продиновалъ генераль-адъютанту, павиці котораго, охотенѣвшіе отъ холода, едва могли водить перомъ, рескриптъ на имя князя Меншикова. Извѣщая о взятіи Варны, государь упомянулъ, что, благодаря именно первоначальнымъ распоряженіямъ князя, пала предъ нашими войсками крѣпость; до сихъ поръ не знавшая побѣдителей, и, въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія, пожаловалъ ему одну изъ пушекъ взятыхъ въ Варнѣ.

Наступившая осень не позволяла и думать о продолженіи военныхъ дѣйствій. До зимы надѣялись однако кончить осаду Силистріи; осада же Шумлы была почти оставлена, и фельд-маршалъ графъ Витгенштейнъ получилъ повелѣніе постепенно очистить занимаемыя войсками позиціи и отступить къ Силистріи.

Для возвращенія въ придунайскія и приморскія крѣпости и для занятія кантониръ-квартиръ на границѣ Бессарабіи, русская армія не имѣла надобности дожидаться наступленія зимы: уже не далеко было время, когда могло преобразиться судоходство по Черному морю, а съ нимъ прекратилась бы и доставка продовольствія изъ Одессы и изъ другихъ южныхъ портовъ. Притомъ и турецкая армія, хотя и меньше пострадавшая, не думала о продолженіи кампаніи тѣмъ болѣе, что паденіе Варны произвело между турками общее умнѣніе. Омеръ-Врѣоне, узнавъ объ этомъ событіи, успѣшно снялъ свой лагерь и отступилъ такъ торопливо, что ни генералъ Вистромъ, ни принцъ Евгенийъ Вюртембергскій не успѣли атаковать его позицій. Левый берегъ Камчия былъ такимъ образомъ совершенно очищенъ отъ непріятеля.

По конфиденціальнымъ донесеніямъ корпусныхъ командировъ, императоръ звалъ уже о дѣйствительномъ состояніи своей арміи; той щегольской, великолѣпной арміи, которая, за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ, вступила въ дунайскія княжества въ полномъ блескѣ силы и здоровья: мечъ и огонь непріятеля похитили лишь немногія тысячи, но лишенія и труды, а въ особенности болѣзни, произвели страшныя опустошенія во всѣхъ частяхъ, преимущественно же въ тѣхъ, которыя стояли подъ

стѣнами Шумлы. Больныхъ было вдесятеро больше чѣмъ раненыхъ, и большинство ихъ погибло въ госпиталяхъ. Иные поляки потеряли половину людей, да и тѣ люди, которые находились еще подъ ружьемъ, были въ большей или меньшей степени изнурены мѣстными лихорадками. Только гвардейскій корпусъ, прибывшій позже всѣхъ и дѣйствовавшій исключительно подъ Варною, не потерпѣлъ отъ эпидеміи. Нечего и говорить, какъ глубоко былъ опечаленъ государь когда удостоверился въ гибели слишкомъ пятидесяти тысячъ человекъ. Онъ все еще питалъ надежду, что взятіе Варны будетъ имѣть слѣдствіемъ выгодный и прочный миръ.

Послѣдній день пребыванія своего подъ Варною императоръ посвящалъ разнообразнымъ кабинетнымъ трудамъ, касавшимся развитія торговли и народнаго просвѣщенія (*). Въ этотъ же день онъ вспомнилъ и объ обѣщаніи своемъ почтить монументомъ память Владислава, короля польскаго, павшаго въ пятнадцатомъ вѣкѣ подъ стѣнами Варны за дѣло христіанства. Рескриптомъ на имя графа Воронцова государь повелѣлъ выбрать двѣнадцать турецкихъ пушекъ, взятыхъ въ крѣпости, и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ было назначено поставить и самый памятникъ и гдѣ эти пушки должны были напоминать „о славѣ короля-героя и храбрыхъ русскихъ войскъ, отмстившихъ его смерть своею побѣдою“. Замѣчательно, что поляки неблагосклонно встрѣтили благородную, истинно — рыцарскую мысль императора Николая: она показалась имъ затѣвнымъ намѣреніемъ унижить ихъ, напоминая, что одинъ изъ польскихъ королей былъ побѣжденъ мусульманами, а русскій царь побѣдилъ мусульманъ.... Дальше этого ослѣпленная ненависть ко всему русскому идти едва-ли можетъ....

Первоначально императоръ думалъ возвратиться въ Россію сухимъ путемъ; но, вывъ убѣжденію Бенкендорфа, что дороги размыты дождями, что болота Добруджи непроходимы и что страна наполнена разбойниками, согласился отослать свою дорожную коляску въ Одессу и самъ отплыть туда. Великій князь Михаилъ также желалъ, чтобы государь отправился сухопутно, съ кавалерійскимъ конвоемъ, но адмиралъ Грейгъ увѣрялъ, что

(*) Наканунѣ отъѣзда изъ-подъ Варны, императоръ утвердилъ докладъ министра финансовъ о промышленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ и подписалъ указъ объ открытіи въ Измаилѣ таможни, объ учрежденіи въ Петербургѣ главнаго педагогическаго института, а въ Одессѣ училища восточныхъ языковъ.

перевязь моремъ будетъ и скорѣе и безопаснѣе, въ виду весьма благопріятнаго состоянія погоды.

Утромъ 2-го октября императоръ перешолъ съ корабля „Городъ Паризъ“ на корабль „Императрица Марія“, который поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться чрезъ три дня достигнуть Одессы. Въ то же время отплылъ и фрегатъ „Пантелеймонъ“, на которомъ находились графъ Нессельроде и всѣ иноземные посланники. Послѣ тридцати-шести-часоваго наилучшаго плаванія, вѣтеръ вдругъ измѣнился и вскорѣ забушевалъ съ такою силою, что надлежало закрѣпить паруса и отдаться на произволъ шторма. Густой туманъ разлучилъ оба судна, до сихъ поръ ни на минуту не терявшія другъ друга изъ вида. Штормъ между тѣмъ усиливался въ ужасающихъ размѣрахъ. Бизань-мачта (нормовая) и талселажъ были разбиты въ куски на кораблѣ „Императрица Марія“; страшное волненіе не позволяло и думать объ исправленіи аварій и о какомъ-либо маневрированіи; утвердили вслѣдствіе того руль и пустили судно идти дрейфомъ. На кораблѣ господствовало невообразимое смятеніе; всѣ пассажиры были больны и лежали въ повалку; на лицахъ матросовъ отражалось мрачное отчаяніе; одинъ императоръ сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе: онъ помѣщался между деками съ Бенкендорфомъ и графомъ Потопкимъ и, подобно имъ, долженъ былъ вѣрнѣе ухватиться за перегородки, чтобы не быть опрокинутымъ. Когда же государь хотѣлъ выйти на палубу и отдать нѣкоторыя приказанія экипажу, командиръ корабля, капитанъ Папа-Христо, заступивъ ему дорогу, сказалъ сурово:

— Государь! я одинъ здѣсь хозяинъ, и никто другой, даже ваше величество, не имѣетъ права распоряжаться на моемъ суднѣ.

— „Справедливо! исполните же свою обязанность, капитанъ: во всемъ прочимъ положимся на Бога“, отвѣчалъ императоръ.

Страшный штормъ продолжался двадцать-четыре часа. При непроницаемой темнотѣ, компасъ не дѣйствовалъ; но командиръ судна могъ сообразить, къ своему отчаянію, что вѣтеръ гналъ къ Босфору и что въ теченіе двадцати часовъ корабль уклонился на шестьдесятъ миль. Папа-Христо счелъ своею обязанностію извѣстить о томъ императора, который сказалъ ему спокойно:

— Богъ милостивъ, капитанъ! Питаю рѣшную надежду, что онъ не оставитъ насъ.

Достоверно извѣстно, что императоръ Николай положилъ въ душѣ твердое намѣреніе не отдаваться живымъ въ руки султана Махмуда.

— „Предстань себѣ, что русскій царь можетъ быть вѣнчъ въ плѣнъ турками“, сказалъ онъ Бенкендорфу.

— „Это едва не случилось съ Петромъ Великимъ!“ отвѣчалъ Бенкендорфъ грустно.

— „Да, но Петръ Великій предпочелъ бы смерть плѣну“, замѣтилъ государь съ холодною и твердою рѣшимостію.

Когда туманъ разсѣялся, корабль былъ въ виду турецкихъ береговъ; къ счастью, штормъ скоро утихъ, и судно, несмотря на свои аваріи, могло направить курсъ къ Одессѣ.

Императоръ, спокойствіе души котораго не возмущалось ни на одно мгновеніе, думалъ и сожалѣлъ только объ одномъ:

— Я непременно хотѣлъ быть въ Петербургѣ ко дню рожденія матушки (14-го октября), а теперь, вѣроятно, буду лишень этого удовольствія.

Стужа была невыносимая; мелкій, холодный дождь не переставалъ; всѣ, за исключеніемъ государя, едва держались на ногахъ отъ изнуренія; каждый желалъ поскорѣе добраться до мѣста отдыха. Наконецъ, чрезъ шесть дней, вечеромъ 8-го октября, корабль вошелъ на одесскій рейдъ. Было непроницаемо-темно; дождь продолжался; надлежало прибѣгнуть къ ночнымъ сигналамъ, чтобы довести судно до берега. Государь сошелъ въ шлюпку съ генераломъ Бенкендорфомъ и графомъ Потоцкимъ, и лишь только ступилъ на берегъ, пушечный выстрѣлъ въ портъ возвѣстилъ о его прибытіи жителямъ Одессы, которые трое сутокъ, пока свирѣпствовалъ штормъ, находились въ неописанномъ страхѣ за жизнь монарха и теперь бросились встрѣчать его. Великій князь Михаилъ прислалъ изъ лагеря подъ Варною (гдѣ онъ оставался до размѣщенія войскъ на зимнія квартиры) въ Одессу своего адъютанта освѣдомиться о судьбѣ государя, потому что буря охватила, съ одинаковою силою, всѣ берега Турціи, и нашъ флотъ потерпѣлъ много, не смотря на хорошую якорную стоянку. Въ варненскомъ лагерѣ большая часть палатокъ была опрокинута, изорвана или снесена.

О судьбѣ фрегата „Пантелеймонъ“ никто ничего не зналъ.

Разнесся слухъ о его безслѣдной гибели, и только на другой день прїѣзда государя въ Одессу успокоились на счетъ этого судна. По рассказамъ, поразительно-страшныя сцены совершались, во время шторма, на „Пантелеймонѣ“. Лишившись всѣхъ мачтъ, фрегатъ носился по волѣ вѣтровъ и волянь, и когда капитанъ объявилъ пассажирамъ, что одно чудо можетъ спасти ихъ, всѣ начали готовиться къ смерти: офицеры, матросы, члены дипломатическаго корпуса стояли, во фрегатской церкви, на колѣняхъ, закутанные въ саваны; іеромонахъ читалъ разрѣшительныя молитвы... Четыре дня и четыре ночи „Пантелеймонъ“ былъ игрушкою шторма, прежде чѣмъ достигъ севастопольскаго порта, гдѣ пассажиры сошли на берегъ полу-мертвые отъ страха, усталости, голода и холода.

Императоръ пробылъ въ Одессѣ два часа: онъ успѣлъ только переодѣнуться, подкрѣпить себя пищею, написать нѣсколько строкъ великому князю и прочесть депеши отъ Воронцова, Дибича и Витгенштейна. Въ три часа утра, его величество выѣхалъ при самой ненастной погодѣ. Грусть, отражавшаяся на лицѣ государя, сообщилась всѣмъ присутствовавшимъ. Когда онъ, садясь въ коляску съ Бенкендорфомъ, сказалъ: „прощайте господа!“ голосъ его дрожалъ и какъ будто въ самыхъ звукахъ слышались затаенныя слезы.

Въ это мгновеніе, какъ рассказывалъ впоследствии самъ Николай Павловичъ, онъ вдругъ почувствовалъ близость великаго несчастія, не отдавая себѣ отчета какое именно горе готово поразить его.

Торопясь прибыть въ Петербургъ ко дню рожденія императрицы-матери, государь, въ теченіе шести сутокъ, останавливался только для перемѣны лошадей. Никогда не ѣздилъ онъ съ такою быстротою, и однакожь ему казалось, что лошади мчались не довольно скоро.

14-го октября, въ десять часовъ утра, императоръ прибылъ въ Царское Село.